

А.М. КРАСНОЩЕКОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДАЛЬСОВНАРКОМА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ДВР

Борис Иванович МУХАЧЕВ,
доктор исторических наук

*В этом году исполняется 70 лет со дня расстрела
А.М. Краснощекова*

В наше время, когда в исторических исследованиях большое внимание уделяется «человеческому измерению», обращение к деятельности выдающихся личностей имеет важное значение. На фоне событий, развернувшихся на Дальнем Востоке России и в Забайкалье в период революций 1917 г. и Гражданской войны, мы можем с полным правом говорить о феномене А.М. Краснощекова, видного государственного и политического деятеля, которого высоко ценил В.И. Ленин.

Как профессиональному революционеру, ему пришлось пройти через царские, колчаковские, а главное — через советские тюрьмы (1924 и 1937 гг.). В 1937 г. Краснощеков был расстрелян. В советской историографии он получил разные оценки — от врага народа до противоречивой личности. Сегодня Краснощеков окончательно реабилитирован.

Александр Михайлович (Абрам Моисеевич) Краснощеков (Краснощек) родился в 1880 г. в известном всему миру Чернобыле Киевской губернии (в черте оседлости) в семье портного, приказчика одного из местных предприятий. Ограничения евреев в правах было одной из причин вступления Александра в революционное движение в 16 лет. В 1896 г. он приехал в Киев для поступления в университет. Общение с революционно настроенными студентами, в частности с Моисеем Урицким, который готовил его к поступлению в университет экстерном, определило дальнейшую судьбу Краснощекова как профессионального революционера.

В книге «Александр Краснощеков: историко-биографический очерк» (Владивосток, 1999) я подробно рассказал о дальнейшей жизни и деятельности Александра Михайловича, выделил ее наиболее важные вехи.

В 1896—1902 гг. Краснощеков по заданию местной социал-демократической организации участвовал в подпольной работе в Киеве, Николаеве, Полтаве, Екатеринославе и других городах. Дважды сидел в тюрьмах, подорвал здоровье и вынужден был в ноябре 1902 г. эмигрировать в Германию, а в марте 1903 г. — в США. Там он также активно занимался революционной деятельностью. В Чикаго работал маляром, портным. В 1912 г. экстерном закончил университет (экономическое отделение), юридический колледж при нем и вскоре стал видным адвокатом по профсоюзным делам. С получением известия о Февральской революции в России уже с семьей выехал через Японию на родину и надолго остался на Дальнем Востоке, потому что заставили новые дела. Его «карьеру» началась с г. Никольска-Уссурийского, где Александр Михайлович был избран

председателем горкома РСДРП(б) и Совета рабочих и солдатских депутатов, членом городской думы и председателем Центрального бюро профсоюзов. В нем видели стойкого защитника интересов трудящихся, хорошего организатора и оратора, настоящего трибуна революции. Под его руководством Никольск-Уссурийский горсовет первым на Дальнем Востоке заявил о признании Советского правительства (11 ноября 1917 г.), провозгласив таким образом здесь советскую власть. Одновременно Краснощекоев являлся членом Владивостокского горсовета.

Выдающиеся качества Краснощекоева вскоре были проверены на более высоком уровне. В декабре 1917 г. в Хабаровске он был избран председателем III краевого съезда Советов, провозгласившего советскую власть на Дальнем Востоке, а в январе 1918 г. — председателем краевого комитета Советов (с мая — Дальсовнаркома). Он поддержал предложение представителей приморского земства работать в контакте с Советами, но когда самозванное краевое земское бюро попыталось взять власть в свои руки, председатель краевого комитета Советов лично выехал в резиденцию «бюро» в Благовещенске.

Под руководством Краснощекоева на съезде представителей самоуправлений края контрреволюционное бюро земств и городов было распущено, подтверждена власть краевого комитета Советов. Стремление быть всегда в гуще масс, на наиболее опасных участках работы стало его стилем работы. Совместно с руководством Благовещенского Совета Александр Михайлович участвовал в подготовке и проведении 4-го областного крестьянского съезда, на котором был избран облисполком; в марте 1918 г. во время контрреволюционного выступления он был арестован и препровожден в тюрьму, но сторонникам советской власти удалось разгромить контрреволюцию и Краснощекоев был освобожден. Под его руководством проходили 4-й и 5-й краевые съезды Советов, где он снова избирался председателем краевого органа советской власти.

Отсутствие разработанной программы социалистического строительства, а с конца апреля — связи с Центром сказывалось на первых мероприятиях Советов в экономической, политической работе, в культурном строительстве. Было и увлечение национализациями, и убеждение, что скоро можно обойтись без денег. Были и «красногвардейская атака» в культурном строительстве, и недооценка компромисса с умеренными социалистическими партиями, и перегибы в отношении казачества.

Все это способствовало усилению контрреволюционных выступлений, в связи с чем Краснощекоев лично выезжал на Гродековский фронт. В конце июня во Владивостоке произошел чехословацко-белогвардейский переворот, начались военные действия, и Александр Михайлович с руководством Красной гвардии и Красной армии прибыл на Уссурийский фронт.

Белочехи и белоказаки, вынужденные отступить, были бы разбиты, если бы не помощь со стороны Антанты в августе 1918 г. Во Владивостоке высадились интервенционистские войска Японии, США, Англии, Франции и других держав. Войска Дальсовнаркома отступили в Амурскую область, а затем под натиском интервентов прекратили военные действия. Дальсовнарком ориентировал советское руководство на продолжение борьбы, формы которой зависели от обстановки (подпольная работа, партизанское движение).

Колчаковской властью Краснощеков был арестован у Самары при попытке перехода линии фронта. В «поезде смерти» его доставили в Иркутск. В тюрьме накануне Нового 1920 г. его освободили восставшие рабочие, и он присоединился к ним. Характерно, что в это время коммунисты проявили к Краснощекову (не случайно) политическое доверие: Александра Михайловича избрали председателем губкома РКП(б). По поручению губкома вместе с представителями эсеро-меньшевистского Политцентра, взявшего власть в свои руки, он выезжал в Томск, где с председателем Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома И.Н. Смирновым решал вопрос политической важности — о создании в Забайкалье и на Дальнем Востоке буферной республики.

Председатель делегации Политцентра меньшевик И.И. Ахматов выдвинул предложение образовать временное «особое буферное государство на демократических началах» и включить в его территорию часть Восточной Сибири. И.Н. Смирнов по стратегическим соображениям считал возможным временное существование такой республики: этот буфер мог выступить посредником при переговорах с представителями государств Антанты о прекращении интервенции. Директивы Центра требовали искать пути мирного разрешения сибирского вопроса, «по возможности избегать» вооруженного столкновения с Японией. При этом важно было закрепить за Россией Кругобайкальскую железную дорогу, а буферную республику создавать от Читы или в крайнем случае от Верхнеудинска. Но на этом совещании Смирнов формально согласился с предложением Политцентра начать западную границу «буфера» от станции Зима. Предполагалось, что «буфер» просуществует не более месяца.

20 января Смирнов телеграфировал о результатах совещания Ленину и получил «добро» на «игру в буфер». Однако истории было суждено допустить некоторое отклонение от этого плана. 21 января иркутские коммунисты свергли власть Политцентра и установили советскую власть. Но план создания буферной республики оставался. Менялся лишь характер «буфера», который должны были возглавить коммунисты, менялась его западная граница; теперь она брала начало от Верхнеудинска.

Ответственным уполномоченным Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома за организацию и деятельность новой республики назначили А.М. Краснощекова. В начале марта по согласованию с ЦК И.Н. Смирнов для партийного руководства организовал Дальбюро РКП(б), состоявшее из отделений: западного (Верхнеудинского) и восточного (Владивостокского). В западное входили А.М. Краснощеков, А.А. Ширямов и Н.К. Гончаров. Характерно, что двое сотрудников являлись убежденными противниками «буфера», и Краснощекову, фактически возглавлявшему Дальбюро, было очень трудно работать с ними. Но волевой и решительный Александр Михайлович жестко требовал от них выполнения директив Центра.

На съезде трудящихся Прибайкалья (28 марта — 7 апреля 1920 г.) наконец состоялось провозглашение республики, которую назвали Дальневосточной (ДВР). Фактическим руководителем ее стал А.М. Краснощеков. В Декларации съезда отмечалось, что в республике устанавливается «демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа... и гарантирующая всем классам общества демократические свободы». Объявлялось, что в правительство ДВР войдут представители всех партий и национальностей

республики, а после объединения областей Дальнего Востока созванное Учредительное собрание ДВР утвердит ее конституцию.

В Иркутске была сформирована Народно-революционная армия (НРА), которую возглавил бывший Главком 5-й Красной армии Г.Х. Эйхе. НРА приступила к военным операциям против «семеновской» Читы, чтобы ликвидировать «читинскую пробку», мешавшую связи ДВР с областями Дальнего Востока.

Под руководством Краснощекова началась подготовка к выработке конституции республики. В это время проявились и дипломатические способности Александра Михайловича. Большинство членов Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома стали склоняться к мысли о необходимости ликвидации ДВР и восстановлении советской власти в Прибайкалье и Амурской области. Краснощеков был за сохранение ДВР. Поддержали его, как это ни удивительно, японцы. 11 мая 1920 г. Краснощеков получил телеграмму от командующего войсками на Дальнем Востоке и в Забайкалье генерала Ооя с предложением начать переговоры об эвакуации японских войск из Забайкалья. Глава правительства ДВР телеграфировал об этом В.И. Ленину.

Москва сразу оценила важность этих переговоров. Советское правительство официально заявило о признании ДВР, а Наркоминдел предложил организовать в правительстве ДВР МИД, министром иностранных дел которого назначили Александра Михайловича. Переговоры с японцами шли с переменным успехом. Для Ооя важно было после эвакуации японских войск сохранить в Забайкалье семеновский режим. Но и здесь Краснощеков проявил мастерство дипломата, в результате чего и войска интервентов были выведены, и семеновцам вместе с прибывшими к ним каппелевцами пришлось оставить Забайкалье и уйти в Китай.

23 мая Сиббюро ЦК утвердило Тезисы о работе Дальневосточного бюро РКП, в которых предложило Дальбюро «... всю деятельность направить на подготовку условий по безболезненному переходу к советской власти в Забайкалье и Амурской области». 4 июля Краснощеков на заседании Сиббюро ЦК подверг критике «тезисы», доказывая, что сейчас ликвидировать ДВР преждевременно. Сиббюро ЦК постановило направить Краснощекова в Москву, чтобы он высказал свою точку зрения, и просило ЦК в ДВР его не возвращать.

Но в Москве Краснощеков сумел отстоять свою позицию. Продолжалась война с Польшей, Крым находился в руках барона Врангеля. В этих условиях крайне важно было не допустить развития военных действий с Японией. Переговоры ДВР с представителями японского военного командования в Гонготе показывали, что многие важные вопросы можно разрешить мирным путем. С Краснощековым согласились — Дальневосточная республика должна продолжать свое существование, объединить Дальний Восток и Забайкалье единой властью. Коммунистам Приморья было указано, что Владивосток не может быть столицей ДВР.

Комиссия ЦК РКП(б), созданная по решению Пленума ЦК 5 августа 1920 г., вынесла свое заключение в виде «Кратких тезисов по Дальневосточной республике» на утверждение Политбюро ЦК 13 августа. В этом документе определялся характер политического строя республики и стоявших перед ней задач. Отмечалось, что буржуазный демократизм ДВР

является чисто формальным, что должно быть создано «целесообразное для коммунистического руководства промежуточное экономическое положение», руководящей силой в ДВР является коммунистическая партия, Дальбюро РКП(б) теперь подчиняется не Сиббюро ЦК, а непосредственно ЦК. Очень важным было указание о том, что «все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы внешней политики... решаются с согласия Центра».

Из членов комиссии ЦК по ДВР над «Краткими тезисами» в основном работали А.М. Краснощеков и Г.В. Чичерин, причем за основу был взят текст, написанный Краснощековым. Политбюро ЦК утвердило «тезисы»¹.

По возвращении в Верхнеудинск Александр Михайлович продолжил работу по завершению буферного строительства. Была ликвидирована «читинская пробка», что позволило перенести столицу республики в Читу и провести там объединительную конференцию представителей областей Дальнего Востока и Забайкалья, объединить все области в единую республику. Интересен в связи с этим отзыв о Краснощекове генерала В.Г. Болдырева, считавшего его «фактическим творцом читинских событий», который работу свою, «...надо в этом признать, до сих пор блистательно выполнял»².

В декабре 1920 г. Краснощеков заболел воспалением легких и некоторое время не смог активно участвовать в государственной и партийной работе. Антибуферщики, входившие в состав Дальбюро ЦК, воспользовавшись этим, приняли решение о восстановлении советской власти. ЦК РКП(б), В.И. Ленин не поддержали их, но можно себе представить, как тяжело переживал Краснощеков этот инцидент.

Учредительное собрание ДВР, состоявшееся в феврале — апреле 1921 г., завершило государственно-юридическое оформление республики. Была принята Конституция ДВР, для создания которой Краснощеков много сделал.

После категорического осуждения ЦК РКП(б) антибуферной позиции некоторых членов Дальбюро ЦК склока превратилась в откровенную борьбу за власть, которую возглавили П.М. Никифоров и М.И. Губельман. Их позиции усилились после избрания брата Губельмана Е. Ярославского секретарем ЦК. 30 апреля 1921 г. И.Н. Смирнов телеграфировал В.И. Ленину о необходимости сместить все Дальбюро. «Положение, созданное Никифоровым и Губельманом, считаю чрезвычайно тяжелым»³. Уйти пришлось Краснощекову. По этому поводу В.И. Ленин с горечью писал о нем: «Показал себя умным председателем Правительства ДВР, где едва ли не он же все и организовывал. Мы его сняли оттуда...»⁴ Отъезд в Москву состоялся в июле 1921 г.

Высоко ценя Краснощекова как хорошего организатора, «практика», экономиста и юриста, Ленин назначил его вторым заместителем наркома финансов, затем — в ВСНХ, где Александр Михайлович был членом Президиума, председатель СНК требовал от руководства НКФ учитывать мнение Краснощекова. С отъездом Ленина в Горки читинец лишился столь важной и нужной поддержки. Характерно, что в короткое время пребывания в Москве в ноябре — декабре 1921 г., когда врачи всячески предостерегали Ленина от чрезмерных нагрузок, он находил время для встречи с Краснощековым.

Главным делом Краснощекова в Москве стало создание Промбанка, действующего до сих пор. Александр Михайлович возглавил правление

банка, стал его председателем. Несмотря на отсутствие опыта в такой работе, он за год сумел организовать успешные банковские операции.

Но со стороны ЦКК РКП(б) и ГПУ против Краснощекова уже шла спланированная «операция» по разоблачению его «служебных злоупотреблений». 15 сентября 1923 г. ЦКК приняла решение об аресте Краснощекова и организации следствия совместно с ГПУ. Заседание ЦКК проходило под председательством давнего недоброжелателя Краснощекова Е. Ярославского, который 18 сентября доложил о решении ЦКК Политбюро ЦК. Политбюро это решение утвердило. В ночь на 19 сентября Александр Михайлович был арестован. Его обвинили чуть ли не в мошенничестве, связях с нэпманами, даже в аморальном образе жизни.

Изучение материалов следствия показывает, что обвинения эти были надуманными, документами не подтвержденными. Хозяинственный год Промбанк закончил без убытков. «Все мелкие факты, — говорил Краснощеков, — все недостатки и недочеты аппарата, все упущения, допущения и неправильные действия подчиненных, за которые в других обстоятельствах меня ни в коем случае не держали бы ответственным, приписываются мне как сознательные акты...» Александра Михайловича осудили на 6 лет тюрьмы⁵. При Ленине, который требовал «...двигайте вперед Краснощекова», это было бы невозможно.

Через полгода из-за болезни Краснощекова перевели в кремлевскую больницу, в начале 1925 г. амнистировали, в 1926 г. он был допущен к работе в Наркомземе, но в 1937 г. снова арестован. Кроме обвинений во вредительстве в Наркомземе указывалось, что в ДВР он практически действовал в интересах Японии. По постановлению Военной коллегии Верховного суда СССР 26 ноября 1937 г. А.М. Краснощеков был расстрелян, а в 1956 г. полностью реабилитирован по партийной и государственной линии за отсутствием состава преступления⁶.

Остается только сожалеть, что в сталинские времена не был востребован интеллектуальный потенциал и организаторский талант этого выдающегося государственного и политического деятеля, преданного коммунистической партии и советской власти, удостоившегося лишь высшей меры наказания.

1 Фукс М.В. Роль региональных властных структур во внешней политике советской России на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 2. С. 145—146.

2 Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 381, 384—385.

3 Дальневосточная политика советской России (1920—1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 185.

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 219.

5 Подробнее о «деле» Краснощекова см.: Мухачев Б.И. Александр Краснощеков: историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 182—192.

6 Из личного архива Е.Е. Краснощекова и Н.А. Краснощековой (г. Москва).

SUMMARY: The author, Doctor of Historical Sciences Boris Mukhachov tell about life and activity of a professional revolutionary — Alexander Mikhailovich Krasnoschokov (Abram Moiseevich Krasnoschok) who was a distinguished state and political leader being shot guiltlessly in 1937 and then rehabilitated.